

Ю. Апп

КНИГА СУДЬИ

Ю. Апш
Книга Судьи

«Издательские решения»

Апп Ю.

Книга Судьи / Ю. Апп — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518259-3

«Тогда спросил бог человека, согласен ли тот исполнить великое дело и быть судьей мира во время смуты и перемен. И согласился человек по легкомыслию своему, а может по великой силе, и свободе, и правде. Ибо что остается людям, таким хрупким и смертным, как не свобода и правда.» Первая из трех книг цикла «Мира уходящей магии».

ISBN 978-5-00-518259-3

© Апп Ю.

© Издательские решения

Содержание

Книга Судьи	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Триста лет назад	12
Глава 3	15
Триста лет назад	18
Глава 4	19
Тысяча лет назад	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Книга Судьи

Ю. Апп

© Ю. Апп, 2020

ISBN 978-5-0051-8259-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга Судьи

Тогда спросил бог человека, согласен ли тот исполнить великое дело и быть судьей мира во время смуты и перемен. И согласился человек по легкомыслию своему, а может по великой силе, и свободе, и правде. Ибо что остается людям, таким хрупким и смертным, как не свобода и правда.

Глава 1

Трое ребятишек сидели над речкой под большой ивой, полоскавшей свои ветки в мутноватом потоке, и вцепившейся корнями в отчаянно разлезавшуюся почву. Двое мальчиков мастерили луки, а девочка постарше, можно уж сказать юница, приглядывала за ними и чинила птичьи силки. Внезапно дети отложили свои занятия. К монотонному шороху дождя добавился какой-то посторонний звук. Он шел с реки. Девочка сделала знак, и все поднялись на ноги, всматриваясь круглыми голубыми глазами в речной изгиб и готовясь дать стрекача, в случае опасности. Из-за поворота показалась небольшая берестяная лодка с единственным путником на борту. Рискованно, по нынешним временам, плавать в одиночку, ведь голод выгнал самых отчаянных к реке, да на дороги. Впрочем, у того, что в лодке, похоже, и взять нечего. Ветхий плащ с капюшоном, еле держится на острых плечах – болтается, как на пугале. Лодка шла по стремнине, легонько покачиваясь, тихо раздвигая туман и почти теряясь в серо-зеленом водном сумраке.

– Смотри, лодка пустая плывет, – ткнул пальцем один мальчонка, – Жаль далековато, не словом. Или рискнуть? Поплыли наперехват?

– Ты что, слепой? В ней же человек сидит? – удивилась девочка.

– Сама, Лишка, ты слепая. Пустая лодка, – надулся пацан, – Не хочешь, чтоб мы в речку лезли, так и скажи.

Лишка, с удивлением посмотрела на ребят. В это время фигура в лодке зашевелилась. Путешественник достал из рукава дудочку, поднял ее туда, где под капюшоном должно быть лицо и заиграл. Прихотливая мелодия заструилась над речкой. Медленная и тягучая она заполняла собой пространство, обволакивала слушателей, сливалась с дождем и проникала во все щели. Дети застыли не в силах пошевелиться. Никогда Лишка не слышала ничего похожего, хотя в былые времена часто забредали в их деревню и скоморохи, и гусяры, да и княжеские потешники один раз гостили у них, почитай, неделю, когда бураном замело намертво всю округу. Те играли хорошо – иногда весело, иногда грустно, но всегда мелодия была чем-то внешним. Тут же музыка вырастала, казалось из самой земли, сплеталась из струй дождя, продолжала плеск реки. Все растворялось в ней, как растворяется в воде крупица соли, и сама она сливалась с природой и слушателями: пропадала в них, и из них же, казалось, росла. Лишка тряхнула головой, пытаясь прогнать наваждение. Фигура в лодке беспокойно дернулась, застыла, словно пытаясь уловить посторонний шум, потом отложила дудочку и медленно повела головой. Лишка вскрикнула, схватила замерших ребят за руки и кинулась к деревне. Лодка скрылась за поворотом. Река снова опустела. И только мелкий дождь все сыпал и сыпал, шуршал по листьям, шлепал по воде.

Нельзя сказать, что к Лишке в деревне относились плохо. Нет. Просто любить ее было некому. Мать – дочка кузнеца, умерла, родами. И хорошо, а не то дед Сила, прибил бы дочь с такого позора: нагуляла ребенка неизвестно от кого. Срам на всю деревню, еще и рот голодный кормить. И ведь как скрывала, до самой поры никто ничего не прознал. Даже соседские бабы, уж на что приметливые, а и то ничего в упор не видели. Как глаза кто отвел, честное слово. Так ли иначе ли, а, можно сказать, сиротой девчонка родилась. Хорошо времена тогда были сытые. Дед оставил ее в доме, не отдал комлям, не выкинул на мороз – и такой обычай был в заводе. А что сделаешь? Лишний рот – он всю семью погубить может, вот старший и решает, что с новорожденным делать. Так зажила Лишка в кузнецовом доме. Место свое с детства понимала, не роптала, не жаловалась, тихая и в работе прилежная. А все одно, всем чужая – лишняя. Соседи идут – сквозь нее смотрят. Ребятишки в игры не зовут. Да и в семье внимания никто не обращает. Есть – хорошо, нет – может, не сразу и заметят. К тому же странная она была, эта девочка. Все молчит, брови хмурит, а то уставится, например, на камушек

или ветку и сидит, как окостенелая. Может дурой родилась, кто разберет. Потому, наверное, рассказ про диковинного странника на лодке никто в серьез не принял. Надо же, человек без лица на дудке играет, и никто его кроме одной девчонки ни видит, ни слышит. Ерунда! Тут снова неурожай, голод грозит, дождь проклятый все гнилью поразил, а дети со своими сказками пристают. Потыкалась Лишка по деревне, помыкалась, да и угомонилась. Может действительно привиделось? А если и нет, что с того. Человек-то уплыл, а работа вот она – перед тобой. Никто ее за тебя не сделает. И стирать надо, и силки починить, на берегу брошенные. Вот дед бы рассердился, коли узнал, что Лишка семейное имущество из пустого страха оставила! Опять же козами заниматься. Нет на фантазии времени, только крутись-успевай. Вот она и успевала. Однако, ночью, ворочаясь на влажной, пахнувшей козами подстилке вспомнила она дневное свое странное приключение и вздрогнула. Так ярко явилась ей снова фигура в капюшоне. Впрочем, сон и усталость быстро взяли свое – Лишка нырнула и поплыла по черной пустоте тяжелого забытья.

Среди ночи, примнилась ей опять та мелодия. Только была она тише, нежнее, и в то же время как-то настойчивее. Девочка застонала, заметалась, с трудом приоткрыла глаза. Необычайно яркая луна светила сквозь щель под крышей. Дождя не было. Тишина, абсолютная, исключительная в своей чистоте покрывала землю. Ни комариного писка, ни собачьего лая, ни даже шороха, качаемых ветром деревьев – ничего. Лишка поднялась. Движения давались с трудом – как сквозь кисель идешь. Голова болела. Девочка приставила к стене лесенку, поднялась и выглянула на улицу. Кузня, в которой ночевала Лишка – стояла на отшибе, большей частью даже за частоколом. Люди боялись пожара, вот и оттеснили опасную постройку почти за околицу. Девочка выглянула наружу. Ночь была темно-синяя с серебром. Деревенское поле, начинавшееся у подножия холма и идущее до самого леса, поблескивало влагой в ярких лучах луны. Дорога с расплывшимися колеями, полными водой, петляя, уходила к лесу, и там, уже почти на границе видимости, шевелились маленькие фигурки. Держась, как слепые друг за друга, оскальзываясь и спотыкаясь, брели они прочь от деревни туда, где звучала странная музыка. Девочка соскочила с лестницы и кинулась на главную площадь. Разбудить, ударить в набат. Она бежала, преодолевая неизвестно откуда взявшуюся ломоту в теле. Несколько раз силы совсем покидали ее, и она останавливалась, привалившись к забору, или даже просто опустившись на ставшую вдруг такой длинной дорогу. Уже на самой площади, нестерпимая боль пронзила ее от пяток, до макушки, девочка вскрикнула. Рот наполнился чем-то соленым. Перед глазами поплыли круги, голову сжало огненным обручем. Теряя сознание, она ударила в колокол, и повалилась на землю. Луна скрылась за набежавшими вновь тучами, припустил дождь, никто в деревне не проснулся.

Глава 2

Серые флаги влажно хлюпали под дождем, предупреждая путников о несчастье, поразившем деревню. Мор начался внезапно, в то утро, когда исчезли дети. Первой на площади нашли кузнецову внучку. Кровь шла у нее изо рта, тело почернело, распухло. Деревенский староста, что по утрам шел отпирать ворота, наткнувшись на девочку, решил было, что она померла, но нет – Лишка, как раз оказалась среди немногих выживших. И было это странно. Прямо таки настораживало. Во-первых, из всех деревенских детей, только она осталась в селе, во-вторых, болезнь ее не прибрала, а только немного потопталась по лицу, да присушила слегка левую руку. Не иначе дело не чисто. В центре мора, когда обезумели люди от горя и боли, кинул кто-то об этом слово- и понеслось. Всё припомнили: и неизвестного отца, и странность самой девочки, а главное, почему-то профессию деда. То жили-жили, ничего, а сейчас, вдруг решили, что кузнец – профессия неверная, подозрительная. Вмешивается, дескать, в натуральный ход вещей. А кто не вмешивается? Пашня, то, тоже не сама по себе ячменем зарастает. Потом, стали тыкать в идола над входом в кузню. Старых богов де дед Сила не отринул. Знается с комлями. Еще недавно сами к ним с поклоном ходили. Да и не в том, совсем дело. Сила одним из первых нового бога принял, а что идола оставил, так зачем его снимать? Кому мешает? В общем, одно за другим, понеслась волна по деревне. Людей, конечно, тоже можно понять. В таком горе, хоть кого-то виноватого найти хочется. Отчаянье свое выплеснуть, страх. Ведь если нет виноватого, тогда что же это получается, в любой момент ни с того, ни с сего такая беда повториться может? А так, вот она Лишка. Ату ее. Гони ее. Проклинай ее. Лишка, хоть и мала, а все поняла верно. Собрала свои вещички – плащ, кулончик берестяной материн, и ушла ночью тихонько. Не стала ждать, чем для нее обернутся злые слова, да косые взгляды. А и с другой стороны, зачем ей в деревне оставаться, когда и дед с бабкой померли, и дядьев всех прибрало. Изо всей семьи в живых только тетка одна, да брат двоюродный великовозрастный. В доме она и раньше как чужая была, а теперь и вовсе лишняя Лишка стала.

Ну, пошла до Пескова-города. Он, конечно, подальше, но идти туда веселее. К Градчанам вдоль дороги все елки, да буреломы. Темно, как в могилу ложишься, и сплошная глина под ногами. А к Пескам идти – совсем другое дело. Сосны до неба, дорога – мелкие камушки. А то, вдруг, поднимешься на холм. Внизу под обрывом речка, простор до неба. В таких местах раньше светлым богам капища ставили, по праздникам песни пели, цветы несли. Сейчас уж нет, конечно. Только остовы стоят, да камни треснутые разбитые виднеются. Лишка по пути, зашла в одну кумирню, что чудом не полностью сгорела.

Укрылась там на ночлег, передохнула. В благодарность, как бабка в детстве учила, положила на камень веночек. Правда, собрала, что первое под руку попало. И сил не было что-то определенное искать, да и не ясно, кому кумирня поставлена, какие цветы нести положено. Так добрела до города – грязная, голодная, уродливая от болезни. И раньше красавицей не была, а теперь... Одно радует – немощной подают охотнее. Поглазеть всем хочется: и страшновато и радостно, что не с тобой такая беда приключилась. Правда пошла молва про страшный этот мор, что Лишкину деревню выкосил. Советники князя стали вроде думать, не закрыть ли намертво вход в город, не погнать ли всех подозрительных, но пока решения не было. Поговаривали, что ждут совета от скимаха, что едет из самого столичного храма. Впрочем, Лишка надеялась на лучшее. Авось не погонят, а погонят, так не всех, а всех, так может спрятаться-переждать удастся. Мало ли в городе нор и норешек? А пока сидела она как обычно утром возле главного торжища, на углу переулочка. Место, хоть не центральное, а свои выгоды есть. Во-первых, не так тесно – есть пространство себя показать. Во-вторых, в случае чего драпать удобно. А такие «случаи чего» уже случались, оно и понятно: город он всех к себе тянет, и плохих и хороших.

Солнце взошло довольно давно, но тучи на небе были до того плотные и тяжелые, до того низко висели над землей, до того отливали в черноту их набухшие животы, что в городе было сумрачно, как вечером. А уж в Лишкином переулке и подавно. Девочка беспокойно заерзала. Торг, хоть и вялый, близился к концу, а в сумке осела только половина баранки, да рыба голова. Впрочем, дела сегодня не шли не только у нее. Рядом тяжело вздыхала скрюченная старушка, что не так давно тоже пристроилась тут промышлять. Староста, доглядывающий за побирушками, сначала хотел ее гнать в другое место, но как-то она его уломала. Вот и сидели они у серой заплыванной стены, одинаково зябко поводя плечами, да с одинаковой надеждой протягивая вперед свои сумки, каждому проходящему мимо. Внезапно в общем уличном шуме, чуткое ухо Лишки уловило какие-то посторонние звуки. Она встрепенулась и закрутила головой. Нищенка рядом тоже вся вдруг подобралась. Отложила сумку в сторону, напрягла спину, скинула покрывающий голову верхний платок. В дальнем конце площади, почти напротив того места, где работала Лишка, появилась телега, груженная шкурами. Рядом с телегой, придерживая лошадь за уздцы, шел крупный бородатый мужчина, а позади маячила фигура в плаще с капюшоном и такой знакомой дудочкой. Лишка вскочила, задела прислоненную к стене клюку старухи, палка с громким хлопаньем упала в чернеющую посреди переулка лужу.

– Стой, – закричала девочка, – Ловите его, люди добрые! Того в капюшоне! Он детей сманивает!

Она заработала локтями, пытаясь пробраться через толпу.

– Куда прешь, безбожная! – напустился на нее зеленщик, чью лавку она чуть не перевернула.

– Ловите, того в плаще с дудкой! Вон, за телегой идет!

– Дурная что ли? Нет там никого...

Лишка с удивлением взглянула на торговца и снова бросилась сквозь рыночную толчею. Капюшон меж тем уже достиг конца площади и поворачивал на улицу, ведущую прочь из города. Около последней палатки, он, не прекращая играть повернулся. Снова, как тогда на реке Лишка увидела серовато-белое абсолютно гладкое лицо-маску, и отпрянула в невольном отвращении. Когда же она пришла в себя и протолкалась таки к выходу, улица была уже пуста. Только несколько малышей стояли, замерев, у ворот добротного дома, да кричала ворона под стрехой, выходящего на улицу амбара. Лишка ринулась вперед. Неожиданно какая-то сильная рука схватила ее за запястье. Девочка покачнулась и чуть не упала.

– Куда ты? – раздался голос.

Лишка повернулась. Позади стояла ее соседка, старуха-нищенка. Впрочем, сейчас она не выглядела дряхлой. Грязноватая, в плохой одежде, худая, даже изможденная, но не старая женщина. Лишка высвободила свою руку.

– Зачем вы меня остановили? Ведь вы тоже видели того в капюшоне. Он детей сманивает! Его надо догнать.

– Зачем?

– Как, зачем? – растерялась девочка.

– Я спрашиваю, зачем его догонять. Что ты дальше собираешься делать?

– Ну, задержу как-нибудь. Людям на него укажу. Вместе справимся...

– Люди его не видят, я думаю, ты это уже поняла. Пошли со мной. Поговорим. Его уже все равно не найти.

Она снова потянула девочку за руку, и теперь та послушно пошла за ней, вдоль неожиданно открывшегося в стене переулка. Сделав несколько поворотов, проход уперся в обитую медью дверь в глухой бревенчатой стене. Лишкина спутница что-то тихо пробормотала, затем толкнула створку, и кивнула головой, приглашая девочку войти. Из-за двери потянуло теплом и медом. Лишка немного поколебалась, но все же переступила порог. Она попала в странное помещение: без окон, с уходящими куда-то в неимоверную высь стенами, расписанными цве-

тами и листьями, с неверно мигающим рассеянным светом, который шел, казалось, со всех сторон. Посреди чудной комнаты стоял каменный стол, накрытый чистой холстиной, около него две лавки.

– Садись, – снова мотнула головой женщина, – снимай свой плащ и вешай на перекладину у стены. Здесь не бывает холодно.

Девочка стала стаскивать накидку.

– Что у тебя с рукой? – бросила хозяйка, возясь у стола.

– Усохла после мора. Мор у нас был в деревне, – буркнула Лишка, – И, кстати, после того, как этот... это у нас побывало.

– Понятно, и теперь ты решила на что?

– Как что? Наказать, предупредить. Ведь тогда он детей увел. Я сама видела. Ночью играл на своей дудке и все наши малыши за ним в лес ушли.

– Сама видела, сама слышала, но не пошла, и в мор уцелела. На вот, выпей, поешь.

Женщина отошла от стола, и Лишка увидела, что стоит на столе миска с кашей, а рядом дымится в ковше травяной отвар. Девочка с радостью набросилась на еду.

– А почему вы просить ходите, если у вас все есть? – любопытствовала она, уписывая угощение.

– Хожу, значит надо. Ты, я вижу, большая до чужих дел охотница, – отрезала хозяйка, усаживаясь напротив. – Здесь и сейчас только я спрашивать буду. Давай, выкладывай. Кто ты, откуда. Как в город попала. А подробнее всего про мор и увод детей.

...

...Камень лег в раствор, закрывая навек последнее-пристанище одержимого. Одержимый... пророк... сумасшедший... оракул... Настоящее имя давно стерлось. Я и сам не могу его вспомнить. Кажется, когда-то я жил в оживленном городе. Смутно видится большой дом, веранда, выходящая в сад. Какие-то дети у фонтана. Чей-то голос: «Прохор! Прохор!». Впрочем, может это и не меня звали тогда в солнечном жарком полдне. Конечно не меня, даже если физически я и был тем «Прохором», духовно я изменился полностью в тот момент, когда услышал зов.

Была гроза, страшная. Она напозла, из-за гор и обрушилась на город яростно и отчаянно. Молнии резали воздух, гром разрывал мозг. Я зачем-то вышел из дома. Внезапно, раздался особенно сильный удар, земля содрогнулась, острая боль пронзила голову, тело выгнулось, как в припадке, глаза навсегда ослепли. И вот тогда я услышал крик. Крик Аримана, преданного братом. Аримана, сброшенного в пропасть без дна. Аримана, обреченного на забвенье. Аримана – архитектора мира... С тех пор голос бога звучит у меня в голове. О, эти видения, эти невыразимые человеческим языком смыслы, это отчаянье бога и горькая немощь его орудия! Они иссушили меня, отняли силы, украли прошлое, разметали личность, сделали чужим в мире. Может быть теперь, замурованный в пещере, на краю земли я смогу, наконец, исполнить свое предназначение и сказать все, что должен. Сказать тому, кто когда-нибудь будет искать истину.

Скоро тьма, которую слепота набросила на мои глаза уйдет, и я снова увижу остров, под серым небом, почувствую соленый ветер у себя на губах, увижу битву, сотрясающую вселенную и опять в бессильной муке стану тянуть руки к сияющей двери, в скале над бушующим морем. «И увидел я древнего зверя восходящего из бездны. Ярость была его короной, горечь – мантией. Мечь текла кровью по жилам, боль горела пламенем в глазах. Но ярче пламени сияла дева, сидящая на его спине. И в одной руке был у девы меч, а в другой ключ. И мир содрогнулся пред ликом её...»

Триста лет назад

Сухой воздух дрожал над камнями. Ни ветерка, ни облачка. Море застыло в ослепительном сиянии. На краю высокого, изъеденного ветрами и водой скалистого берега стоял молодой мужчина в свободном светлом балахоне и платке, перехваченном на лбу узорной тесьмой. Он задумчиво глядел вдаль, будто выискивая на небе знаки. Позади него на небольшом возвышении, в котором только очень внимательный взгляд смог бы признать произведение человеческих рук, суетились люди. Одни лопатками и большими метлами расчищали поверхность, двое устанавливали в углу платформы массивный плоский камень, до этого валявшийся чуть в стороне, остальные переносили сумки со стоящих в стороне осликов.

– Хозяин, – подошел к краю скалы пожилой худой бородач, – все готово.

– Что с плитами?

– Сильно вытерты. Не могу разобрать, – смуглый коротко поклонился и отступил обратно.

Молодой постоял еще некоторое время, глядя в горизонт, потом повернулся и бегом спустился к месту раскопок. Там он опустился на корточки и стал под разными углами разглядывать камни, покрывающие платформу – возвышение.

– Джафа, – позвал он, и снова его недавний собеседник бросился к нему, – смотри, Джафа, на эти линии. Пусть я лишусь бессмертия, если это не изображение циркуля.

– Хотелось бы, чтобы это было так, Искатель, – промолвил, присаживаясь рядом, Джафар.

– Неужели ты устал бродить со мной по свету? – усмехнулся молодой, – Запомни поиск и знание – вот то, ради чего стоит жить, хоть даже и вечность... Особенно вечность. Эй, ребята, осторожнее с вещами.

Молодой легко поднялся на ноги, подошел к установленному в углу плоскому валуну, поставил на него несколько глиняных разноцветных плошек, и стал насыпать в них порошки, которые тут же готовил, перетирая в ступках и смешивая между собой какие – то вещества. Джафар стоял у него за плечом и записывал последовательность действий Хозяина на глиняной тонкой табличке. Наконец, все было готово. Юноша провел над плошками рукой и они одновременно закурились разноцветным дымом.

– Вот это уже интересно, – пробормотал Искатель, – смотри Джафа, почти все воскурения изменили цвета. Даже смесь Великой матери отликает серым против солнца. Что это значит? Ну – ка, молодежь?

– Наложены заклятья, Хозяин, – вышел вперед парень, что до этого таскал сумки.

– Рафик, такую блестящую догадку мог бы выдвинуть и пень, если б путешествовал с нами хоть пару дней. Не обижайся, я тебя ценю, вот и цепляюсь. Какие заклятья ты видишь?

– Боюсь ошибиться, Искатель, но по моему, кроме золотого стандарта охраны храма, тут наложены «пернатый змей», «луна», «око пустыни» и еще что-то, но, что конкретно – я не разберу.

– Молодец, все в точку! – похвалил Хозяин и Рафаил гордо улыбнулся, – остались только те, для которых даже я не знаю названий. Вот это, лишит разума, но не сразу, а в течение года. Это – галлюцинации. А тут, скорее всего ложная память. Очень остроумный набор, по-моему. И накладывал большой мастер, но, – он выдержал эффектную паузу, – уж конечно не такой, чтобы противостоять мне. Воспользуемся тем, что далось мне по праву рождения. Готовность номер один.

Его ученики отбежали подальше, распластались на заранее расстеленных циновках и прикрыли головы платками. Тот же, кого они называли Хозяином или Искателем, и чье

настоящее имя было Керкус, начал быстро что-то шептать, и рисовать на плоском камне пальцем знаки. Скала дрогнула, взметнулись столбы пыли, Керкус хлопнул в ладоши.

– Все, встаем, представление окончено. Мальчики вскрывайте.

Четверо молодых парней подхватили крепкие палки с острыми обитыми медью концами, подцепили сероватую плиту, на которую указал им Хозяин, дружно навалились. Камень скрипнул и стал медленно съезжать с места. Внезапно, из образовавшейся щели вырвался огненный столб. Искатель щёлкнул пальцами, сбивая огонь, и с любопытством подался к отрывающемуся проему.

– Какие шутники были дедулины почитатели, – пробормотал он вставая на четвереньки и нетерпеливо заглядывая внутрь, – Будем надеяться, что это то самое место. Во всяком случае, если б я сюда удалился, то тоже стал писать жуткие пророчества. Пошли, все спокойно.

Он махнул рукой и первым прыгнул в подземелье. За ним последовали Джафар и шестеро молодых учеников. Остальные пятеро остались сторожить сверху. Мягкий свет, который, казалось, шел от фигуры Искателя, растекся по древней крипте. В нише дальней стены лежал свиток.

– Нашли, Хозяин, – прошептал Джафар, – Славьтесь!

– Славьтесь, – подхватили ученики.

Керкус отодвинул в сторону плоску с сернистым аммонием и устало потер виски. Он любил работать руками, не прибегая к магии. Подчас, конечно, это утомительно, зато позволяет отвлечься. Кроме того, сам процесс поиска решений доставлял ему удовольствие, недаром его называют Искатель. Пергамент лежал перед ним на столе. Последняя часть головоломки, кусочек мозаики – и вот то, что когда-то лишь смутно угадывалось, обрело окончательные черты.

– Джафа, – позвал он, и худой согдиец, спящий у стены, встрепенулся, – не спи Джафа, проспшишь судьбу. Я был прав! Все, все подтверждается.

– Конечно, подтверждается. Хозяин. Как может быть иначе? Все стало ясно еще тогда, на плато у соленого озера.

– Любое предположение надо проверять до конца, Джафар. Особенно такое, от которого может зависеть твоя жизнь, – посерьезнел Искатель. – Вот это, – он постучал по пергаменту, – снимает все вопросы. Долго я к нему шел...

Молодой человек задумался. Перед его внутренним взором возникла большая беседка у колодца. Веселые и самодовольные лица молодых богов. Он всегда был им чужим. Недоумение, возникшее между ними в детстве, постепенно сменилось взаимным презрением. Они смеялись над его одиночеством, интересом к людским делам, неловкостью в управлении огненными колесницами. Ему была противна их праздность и чванство.

– Как ты можешь так жить? – спрашивал он у Стерха – единственного из всей компании, кто хотя бы не так упоенно участвовал в вечном празднике.

– Ты слишком строг к нам, или к себе, – пожимал плечами тот. – Мы – боги. Перед нами вечность. И потом, чем прикажешь нам заниматься?

– В Подлесье падеж начинается.

– Что?

– Ты – покровитель скота. Вот я тебе говорю, что в Подлесье начинается падеж.

– Ты серьезно? Да это нормальный ход вещей! Сейчас – падеж, потом приплод. Подлесье какое – то. Я даже не помню где это.

– Там тебе недавно капище поставили.

– Ах, вот что. Ну, ладно, действительно надо заняться. Новые последователи мне нужны. Спасибо. Еще пара капищ, и я обойду Альву.

И Стерх уходил, как уходили они все: не слыша и не прислушиваясь, не видя и не желая видеть, полные довольства собой и местом, которое они занимают в мире. И Керкус оставался один. Всегда один.

Глава 3

Откуда-то издали раздавался звон колокола, отмечавшего полдень. Лишка закончила свой рассказ и сидела молча. От тепла, сухости да сытости, что неожиданно перепали на ее долю, она совсем осоловела и клевала носом. Тера, так представилась ее новая знакомая, сидела напротив.

– Нет, ну как это все не вовремя! – стукнула она внезапно кулаком по столу. – Все не ко времени, как назло. Ты точно уверена, что мор начался сразу после пропажи детей?

– Точно, я точно помню, – покивала головой Лишка. – Ночью их сманили, я побежала в колокол звонить, чтоб людей поднять, и по дороге упала. Меня первую болезнь схватила. К вечеру в нашем доме четверо слегли, еще у соседей дед и через улицу двое. А потом, как огонь повело по деревне.

– Ладно, может быть и такое. Не досуг разбирать сейчас. Ты поспи пока, а я по делам схожу. Не бойся, тут безопасно, никто не найдет, не потревожит. Иди вон в уголок.

Лишка протопала в угол, и стала обустриваться тюфячке, набитом сеном. Она точно помнила, что раньше его здесь не было, но удивляться не стала. И так понятно – и дом с секретом, и хозяйка не из простых. Лишка попыталась пощупать-покрутить эту мысль, но в голове все путалось, а глаза слипались. Да и какая разница, честное слово. Это только малышкой пугают ведьмами, да комлями. А Лишке бабушка рассказывала о временах, когда они в большом почете были. Жили с ними люди исстари, и покой был и порядок, не то, что сейчас. Конечно, говорить так не следует, но думать то можно. Тяжелая дверь лязгнула, закрываясь, стало тихо. Пахло зверобоем, полынью и еще какими-то сухими травами. Крупинки пыли кружились в неверном беловатом свете. Потолок был так высоко, что Лишка, как ни всматривалась, разглядеть его не могла. Постепенно она задремала, и привиделось ей летнее сияющее безбрежное небо.

Когда она проснулась, ведунья, ведьма, ведьмачка – зови, как хочешь, – была уже дома. Она утрамбовывала какие-то вещи в дорожный мешок, да жгла по углам комнаты травы в глиняных мисочках.

– Вставай, уходить надо, – кинула она Лишке. – Скимих скоро в город въедет, да ни один, как я надеялась, а с полукругом выжлецов.

– Вы не бойтесь, я вас выжлецам не выдам, – промолвила девочка. – Что ж я не знаю, что они за ведуньями, да комлями старых богов охотятся.

– Ну, еще бы ты меня выдала, – усмехнулась хозяйка. – Тебе самой впору прятаться. Ищут тебя.

– Меня? За что?

– Да за то же самое, за веданье, или ведьмовство, как они говорят. Как ты думаешь, почему ты безлирых видишь, а остальные рядом проходят – не замечают? Вот так то! А скорее всего не только за это, – она бросила внимательный взгляд на девочку через плечо. – С тобой вообще, много неясного... В общем, выхода у тебя нет. Со мной пойдешь. При иных раскладах, могла бы и к новому богу податься в услужение. Так сейчас многие, у кого дар с рожденья, поступают. Да только не твой это случай, поверь. Отдельная на тебя бумага выписана. Не хороший это знак. Что-то ты мне не все рассказала про себя.

– Все, я все рассказала. Наверное, на меня соседи пожаловались, что я мор напустила. Только это не правда. А может мне пойти к ним, к выжлецам? Ведь я же не виновата ни в чем. Тут какое-то недоразумение.

– Собирайся, не болтай, – раздраженно тряхнула головой Тера, – Если своего ума нет, других слушайся.

Она накинула теплый, подбитый мехом плащ, пристроила за плечи сумку.

– На вот, возьми в руку, – протянула она Лишке сухоцвет, – Это людям от тебя глаза отведет.

Они вышли на улицу, аккуратно, стараясь держаться ближе к стенам домов, пробрались до городских ворот и застыли, ожидая пока стражники досмотрят телегу, раскорячившуюся на въезде. Ведьма заметно нервничала. Она то и дело посматривала в хмурое, затянутое тучами изливающееся мелким дождем небо, мяла зажатый в руке край плаща. Наконец, угрюмый селянин уплатил въездную пошлину, развернул лошадку и телега, громыхая, стронулась освобождая проход.

– Скорее!

Ведунья схватила девочку за руку и бросилась к выходу. Распластавшись по стене, они бочком, чтоб никого не задеть ненароком, прокрались по проходу под надвратной башней, проскочили по доскам подъемного деревянного моста и кинулись под откос. Лишка больно ударилась о торчащие корни, скатываясь по склизкому склону, но не посмела даже пикнуть под строгим и встревоженным взглядом своей спутницы. Идти по сточной канавке вдоль тракта было тяжело: вода доходила девочке до колен, а дно, хоть и было, слава богам, песчаным, а не глинистым, а все-таки было таким неровным и замусоренным, что несколько раз Лишка чуть не упала. Дождь меж тем припустил сильнее. Небо и без того хмурое совсем потемнело, над недалеким лесом, в который как раз и пробирались наши путники, уже клубилась и лезла к городу черная мохнатая туча. Блеснула молния, полыхнули белым верхушки деревьев, гулко, прямо над головой ударил гром. В это самое мгновение на опушке показались всадники. Впереди на крупном кауром жеребце ехал высокий и очень худой человек в сером плаще с яркочерной оторочкой. Ехал он, в задумчивости опустив голову, как бы даже и не замечая дождя и грозы. За ним в два ряда скакали всадники в кожаных рубахах и простых холщовых накидках с крупными блестящими пряжками-кольцами – эмблемами нового бога. Ведьма остановилась, схватила Лишку за руки, затряслась и что-то быстро зашептала. Воздух вокруг вроде как сгустился. Стало тяжело дышать, все расплылось, отдалилось. Как сквозь туман видела Лишка движение кавалькады. Вот мчатся они по дороге, копыта взрывают размокшую почву. Вот серый, передний вскинул вверх руку в перчатке, и замерла колонна, остановилась. Передний проехался взад-вперед повода головой и как бы прислушиваясь, потом снова прищпорил коня и всадники полетели к городским стенам. Как только копыта прогрохотали по деревянному настилу мостка, и лязгнули, закрываясь за кавалькадой, ворота, ведьма отпустила Лишку и рухнула на грязное дно канавки. Девочка опустилась рядом и подхватила ее голову. Глаза ведьмы закатились и были полуприкрыты. Тонкая струйка крови стекала из уголка рта. Гроза меж тем бушевала. Молнии одна за другой жалили землю. Гром гремел прямо над головой, а в городе, соревнуясь с ним, гудел басом главный колокол. С неба лились потоки воды, затопляя ненадежное прибежище. Лишка встала, взвалила бесчувственную спутницу себе на спину и с трудом побрела к лесу. Дотащившись до опушки и пристроив ведьму на небольшом пригорке, она вернулась за брошенными сумками. Стоя в канавке, она вновь кинула взгляд на оставленный город. Сверкнула молния, на миг выхватив из темноты тяжелую мощь надвратной башни, и светлую маленькую фигурку, застывшую на ее вершине. Девочка побежала к лесу.

Гроза миновала достаточно быстро, но сильный дождь поливал землю всю ночь. Лишка, как смогла, обустроила лежбище в густом кустарнике на небольшом пригорке, расправив плащи на торчащих ветках и протоптав небольшое пространство, куда залезла сама и затащила, все еще лежащую в беспамятстве ведьму. Пошарив по сумкам, она нашла сухари и немного подкрепилась. К утру дождь почти перестал. Где-то в слободке хрипло запел петух. Холодная утренняя сырость прохватила придремнувшую девочку, заставила зябко поежиться, открыть глаза. Ломило искалеченную кисть. Сзади раздался шорох. Девочка дернулась и обернулась. Ведьма приходила в себя. Она зашевелилась, открыла глаза, зашарила руками вокруг, ухватилась за ветви кустарника и села.

– Спасибо, – хрипло просипела она, – Сильно вчера испугалась?
– Ну, так... – протянула Лишка – За вас больше. Что с вами было?
– Ничего хорошего. Дорогонько нынче колдовство обходится, – ведьма попыталась улыбнуться, – Спрятала я нас от скимаха, что, скажу тебе очень не просто. А впрочем, в прежние времена... – она замолчала.

– Что?

– Да я бы и не мигнула от такой ерунды. А сейчас вот. Всю ночь провалялась, так?

– Так, – кивнула девочка, – А почему?

– Сила уходит. Нет, не только у меня, не думай. Вообще уходит сила из нашего мира, как река мелеет. Ведуны и ведуны свои способности теряют, а нежить – так просто тает без следа.

– А комли? А скимахи?

– Интересно? Правильно. Только давай в пути поговорим. А то, не ровен час, станут нас искать. А я сейчас совсем ни на что не гожусь, сама видишь.

Лишка помогла Тере подняться, и они двинулись вглубь леса. Шли без дороги, без тропинки по только ведьме известным приметам. И что бы та не говорила, а кое-какую волшбу она все-таки творила и сейчас. Во всяком случае. Лишка заметила, что никаких следов позади них не остается. Даже на месте их ночного пристанища, увидела она совсем нетронутые заросли орешника. Ведьма меж тем рассказывала интересные вещи. Например, никогда раньше Лишка не задумывалась, почему комли могут творить волшбу только после ритуала богам. Оказалось, что нет у них собственных способностей, а есть только выучка и понимание того, как достучаться до своего хозяина, чтоб услышал он и исполнил просьбу, буде захочет. Другое дело маги – ведьмы да ведьмаки – те уже рождаются с мастерством, вот как Лишка, раз и умеет видеть от других скрытое. Конечно, тут тоже тренировка нужна, свое свойство понять, раскрыться, а все-таки разница с комлями большая. Те с чужой руки живут, а маги – сами промышляют. Конечно, с богами им не сравниться, да и искусные комли могли ведьмам свое умение противопоставить, если надо, но все же... все же... А сейчас иссякает источник. И старые боги с их слугами, и ведьмы с ведьмаками – мощь свою теряют. Кто поискуснее, тот еще может творить волшбу где угодно, а остальные – ищут места, где сила задержалась. Совсем не то с новым богом. Он стоит крепко. Скимахи, что ему служат, обычно и сами из ведьм ведьмаков, да еще и с выучкой ритуальной. Правда, камлают они совсем не так, как в прежние времена камлали, и сила у них, только через их бога приходит, но зато у того источник, огромный.

– А что ж выжлецы ведьм жгут, раз сами из них? – удивилась Лишка

– Так потому и жгут. Как раз тут все закономерно. Комлей в скиты ссылают под надзор строгий, а магов либо к себе вербуют, либо в расход. Правда, есть еще места, куда у нового бога руки не дотянулись. Не все его власть принимают, да и не всюду скимахи с выжлецами пробраться могут. Я тебя в одно такое скрытое место направлю. Поживешь в ските, поучишься.

Они вышли к небольшой речушке. Из ивняка, густо разросшегося на берегу, Тера вытащила берестяную лодку.

– Ну, все, давай прощаться. Пойдешь вниз по течению, сегодня к вечеру доберешься до старого капища, там тебя будет встречать Бёрн – хозяин скита. С ним дальше и пойдешь.

Обнялись. Лишка села в лодку и тихо заскользила прочь в зеленоватом влажном лесном сумраке. Тера постояла на берегу, провожая лодку взглядом. Покивала головой. Потом запахнула плащом и направилась обратно, к столь спешно покинутому ими городу.

Триста лет назад

- Джафа, – позвал Керкус, отложив последний свиток и потирая усталые глаза. Смуглый, худой согдиец проворно поднялся с циновки и подбежал к столу.
- Тут не все, Джафа. Предсказания не полны.
- Как? Не может быть. Мы нашли все девять храмов и полностью их обыскали. Все документы, которые когда-либо были созданы в их стенах, тобой прочитаны Искатель.
- Ты споришь со мной, смертный? – нахмурился бог и сумрак в углах комнаты сгустился.
- Прости, повелитель, – упал на колени Джафар. – Ты, конечно, прав. Но я не могу понять, как мы могли пропустить хоть что-то? Ведь ты сам осматривал каждое капище.
- Поднимись с колен. Прости. Сам не знаю, что со мной.
- Взрослеешь, Светлый, – покачал головой человек, – И потом ты прав! Порядок быть должен. Ты – бог, я забьлся.
- Ладно, ладно. Сейчас не до того. Слушай меня, Джафа. Мы собрали и просмотрели все, даже уничтоженные документы, любые записи, память о которых сохранилась в стенах храмов Аримана, но я чувствую – должно быть что-то еще.
- Но почему? Система совершенна. Ведь ты сам говорил, «пульсация Силы, элегантное решение, в эру угасания выживут только лучшие, направленный отбор». Появились какие-то новые сведения? Что тебя беспокоит?
- Если б я только точно знал что! – Керкус вскочил и взволнованно заходил по комнате. – Вроде все сходится. Действительно периодическое возрастание и убывание Силы в мире имитирует определенные процессы, которые Боги-Близнецы заложили и в других частях мироздания. Логично применить их и здесь. Почему бы и нет... Почему бы...
- Конечно, – поддакнул вновь осмелевший Джафар. – Прекрасный план. Прилив и отлив. А удержать часть силы можно, только накинув кольцо заклятий на источник у корней мирового дерева. И тот бог, кто это сделает, будет единственным, владеющим силой в эру угасания.
- Тот, или те, Джафа.
- Хорошо, пусть «те», хотя я уверен, что сейчас владельцем силы останется один, – согдиец низко поклонился, пряча довольную улыбку человека близкого победителю.
- Да, все так. Все логично, безупречно, математически точно построено, но... как сюда вписывается вот это?
- Бог поднял руку и в ней появился пергамент с небольшой печатью черного сургуча.
- Это «пророчество двери», повелитель?
- Оно... узнаешь? – Керкус грустно и как-то нежно улыбнулся свитку. – Помнишь, как мы нашли его Од-ар-Нахбе?
- Конечно, помню, – покачал головой согдиец. – Но, Искатель, дверь мы открыть не позволим! Да и сможет ли хоть кто-то нам воспротивиться, когда в наших... в твоих руках будет единственный источник силы?
- Дело не только в этом, Джафа... Зачем вообще нужна дверь?

Глава 4

К октябрю стало окончательно ясно, что урожай пропал. О чем говорить, когда на одну посеянную меру удалось собрать две, много три меры! По городам пошел ропот. Князья и вотчинники пустили отряды, выкупать у селян излишки в общественные кладовые. А какие там излишки, когда тем самым есть нечего? Вот тут и явил новый бог очередное чудо. В день Великой жертвы, это, если по старому, а по новому в день Осеннего поворота, во всех больших городах, в самый разгар главного ярмарочного торга появились на площадях выжлецы. У их десятников, как люди передавали, в руках были жезлы, навроде, как раньше комли носили. Но тут, понятно, на концах у посохов были не ветки, не камни и не букеты цветов, а кольцо – символ вечности и нового порядка. А дальше, призвали они всех читать «Славься». Люди читают, что делать, вокруг выжлецы стоят – смотрят, кто молитву знает, а кто запинается. Привыкли уж, что там. Но тут совсем другое дело пошло. Читают люди, а у десятников из колец, что на палках свет идет. И так хорошо от него всем становится, так радостно, как будто и дождя нет, и год урожайный, и впереди не зима, а скажем, лето опять намечается. Но и это не главное. Ровно на последних словах, настоящее чудо и случилось. Громыкнуло над площадями, и голос сверху пошел: «Утешьтесь и надейтесь, молитесь и верьте, трудитесь и вознаграждены будете». Тут смотрят люди. Батюшки! Что с товарами? У кого был мешок ячменя, стало семь мешков, у кого одна рыба – семь рыб, свинья – семь свиней, и так дальше. Радость – не то сказать. Слова такого пока не придумали, чтоб описать. Конечно, князьи дружинники тут как тут, да и выжлецы божью долю собрали. А все одно, спаслись от голода. Теперь уж и зимовать можно.

Вот такие слухи дошли до скита, где теперь обитала Лишка. Принес их Борей – старший послушник, что ходил связным к поморским комлям. Информация была секретной, но, как уж водится, все ее узнали и уже к вечеру, даже в спальнях у младших только об том и говорили. Лишка, впрочем, в обсуждении почти не участвовала. Во-первых, сказать ей особенно нечего. Ну, силен Новый бог. Что есть, то есть. А только в старые времена и другие боги были не слабее его. А, во – вторых, и в главных, не умела и не любила она попусту трепать языком. Вот у Яринки, так ловко получается говорить. Только рот откроет, все ее слушают. Всем интересно. И скажет на грошик, а развлечет на рубль. Как у нее так выходит? И дело не только в Яринкиной красоте, нет, тут еще талант рассказчика, легкость и точность языка. Вся она легкая и точная. Глаза синие, горят – насмеваются. Хорошая девчонка и с большим талантом, не то, что Лишка. У той дара почти совсем не было. Бёрн в первые дни ей честно все сказал: дескать, в прошлое время ее бы и в деревенские ведуньи готовить не взяли. А сейчас, что ж... Будем честны, в скиту уже учили не магии, а, скорее, воинскому делу. Уходила сила из нашего мира. И самые даровитые колдуны способности теряли, а выжлецы тут как тут. Не хочешь новому богу служить, или есть какие прегрешения – на костер, а то и что похуже. Вот и сколотились, спрятались по дальним скитам ведьмы, да ведьмаки, комли, да служки, что свое мнение имели насчет новых порядков. Кто ждал возвращения силы – думал пересидеть лихие времена. Кто уж и не надеялся ни на что, а просто жизнь свою спасал. И дело нашлось – стали друг дружку, а пуще всего молодняк, боевому смертельному искусству обучать. Благо, какая – никакая сила еще была – можно было и ускорить, и усилить, и улучшить усвоение науки. Лишка, конечно, со своей присохшей рукой и тут не первый сорт подарочек, зато старательная. Дни и ночи тренировалась. Кому мало дано, тот сам взять должен трудом да потом и иначе никак – это девочка крепко понимала. Вот и работала: маскировка, ориентирование, ножи. На большее не замахивалась, не женское это дело – тяжелые бои, а с луком... что, с одной рукой не справишься, как ни старайся. Зато уж в своем учении продвигалась Лишка быстро. Мелкая, гибкая, как змея, с зорким глазом и крепкой рукой уже к зиме ходила она с охотниками и разведчиками. Даже Бёрн однажды похвалил: «Молодец. Не зря тебя взяли». Правда потом добавил, что с таким

ходатаем, они взяли бы и козу. Долго потом Лишка думала, чем же таким Тера так знаменита, что по ее слову коз берут в закрытое заведение. Ну, да ладно, взяли – спасибо. Чего и желать еще: тепло, сытно, безопасно еще и учат!

День в скиту начинался рано с пробежки и разминки. Пока молодые тренировались, старшие маги держали круг – вливали силы, помогали телам быстрее меняться под действием специальной гимнастики. Так и появлялась особая гибкость и сила послушников, скорость реакции и зоркость глаза. Конечно, пределы, что природа определила, не перейдешь. Лишке, например, таким силачом, как, скажем, тот же Борей, не стать, сколько не старайся, но уж из данного выжимали максимум. Годы и годы тренировок, что потребовались бы обычному человеку, здесь спрессовывали в недели, а то и дни. Правду сказать, давалось послушникам такая учеба ох как не легко. Поначалу у Лишки, например, даже кровь изо рта шла вечерами, а суставы и мускулы ломало так, что она волчонком выла. Помогали травяные сборы, массаж с маслами, но все равно... тяжело. Лишка не роптала. Понимала, для чего старается. В тренировках, да еще вспомогательной природной магии только и могла она проявить себя. Высшее колдовство, увы, было для нее малодоступно. Что и проявлялось каждый день на уроках после завтрака.

– Наш мир, как солнечным светом, пронизан силой... был пронизан, во всяком случае, – говорил Юрок-ай-Тойон – один из сильнейших северных ведьмаков, обучавший послушников. – И как растения преобразуют свет в источник жизни, так магии с рождения умеют преобразовывать силу в собственную волю. Как вы знаете, мир создан Братьями – близнецами. Воля братьев, вплеснувшаяся в час великого творения, волнами расходится по Сущему, задавая законы и закономерности нашего мира. Мы не можем этому противостоять, но можем ускорять, либо замедлять процессы. Вот смотрите: стоит мост он рушится, когда на него въезжает телега. Вопрос, почему?

– Наверное старый, – подняла руку Яринка, – Прогнил, а тут тяжелая телега.

– Правильно, – покивал Юрок. – Только вот еще вопросик, почему он рухнул именно сейчас, не на день раньше, ни на минуту позже. Почему именно под этой несчастной телегой? А вот тут ответ может быть уже иным. Возможно, возможно! – он поднял сухой палец, подчеркивая важность предстоящего вывода, – мосту помогли. Гнилые доски стремятся развалиться. Хороший маг, может ускорить процесс, как мы ускоряем модификацию ваших тел во время тренировок. Или вот огненная магия. Все ее любят. Раз, и пожар. А что? Откуда? В воздухе огонь и влага присутствуют постоянно. Иногда, когда плотность огня высока, мы видим молнию. Огонь стремится гореть. Мы можем ему в этом помочь. Усильте концентрацию природного огня, направьте его на горячий предмет и вот вам то, что иные называют чудом.

– Значит мы можем управлять всем? – поинтересовался рыжий непоседливый Радик.

– Нет, есть вещи нам недоступные. Во всяком случае, я не слышал, чтобы кто-то из наших смог подняться до этого уровня. Мы можем в какой-то мере приблизить будущее. Но не можем поменять прошлое. Вот у Лишки отмерла часть тканей на руке. Теперь ни я, ни Дарина – целительница, ничего сделать не можем. Боги могут, могли... Ладно! Сейчас концентрируемся. Почувствуйте течение силы через себя, вдохните ее, всей кожей, как вдыхаете воздух. Те, кому это удалось, увидят вспышку перед глазами. Сконцентрируйте силу в районе желудка, в это же время представьте результат, который хотите получить, и резко кидайте свое видение вместе с волей вперед. По началу, рекомендую кидать по руке. Потом научитесь бросать взглядом. Это практичнее, но тяжелее.

Юрок пошел через класс, поправляя позы учеников, поводя руками, как бы сгоняя на них волны невидимой глазу силы. Те, кто поопытнее, уже, конечно, умели, и концентрироваться, и впускать в себя силу, и даже изливать ее из руки с простыми командами. Новички же обычно дольше всего топтались на вдохе. Вроде все просто, «вдохни всей кожей», тем более, что

по заверениям учителя, магии умели «дышать» силой с рождения. Однако, теория расходилась с практикой.

– Что ты раздулся, как индюк? – сердился Юрок, на Радика, – я тебе разве велел воздух задерживать? Силу, силу чувствуй кожей. Как она давит на тебя, покалывает. Откройся ей весь, и она заполнит тебя. О, Боги мои! Да это же так просто. Любая нежить это умеет.

– Да, – бубнил Радик, – они с нее только и живы. Меня тоже воздухом дышать учить не надо.

– Ты тоже это можешь с рождения. Сосредоточься. Рыбы плавают, но и человек способен плавать научиться. Только нужно терпение. Ну, давай еще раз.

И Юрок шел дальше, маленький, худой, с необычно круглой головой, раскосыми глазами под тяжелыми веками и тощей бородашкой, заплетенной в косицу.

Лишка очень старалась, хоть и знала, что мало в ней истинных способностей. Постепенно и тут труд одолел преграды. Стало получаться у нее и концентрироваться, и даже пускать волю по руке. Правда, как и предсказал сразу Бёрн, ее способностей хватало только на самое элементарное «деревенское» колдовство: огонек затеплить (ненадолго), подогреть пищу, определить направление, если ни солнца, ни звезд на небе не видно, и все в таком духе. Вспышка у нее было слабенькая, еле видная, а, вот например, Яринка, когда у нее первый раз получилось силу в себя принять, даже вскрикнула. Так ее по глазам свет полоснул. Зато, стали Лишку обучать работе с природной магией. Настоящим колдунам она так – баловство, да спасательный круг на черный день, а для таких как Лишка – первое средство. Дарина-целительница согласилась заниматься с девочкой. Начала водить ее по округе, да заставляла учить наизусть книги про травы и минералы – кто какую силу имеет, когда собирать надо.

– Некоторые травы, могут накапливать и преобразовывать силу, почти, как магии. – поучала ведьма, – однако, в отличие от нас, управлять своими способностями они не могут. Вот возьмем колосник. С ним ты уже знакома. Природный концентратор силы, он изливает ее на неделе Мелькара-охотника. Правда найти его может только магик. Ведь, изливая силу, он отводит глаза животным и обычным людям. Почему? Я думаю, это связано с тем, что в это время он обычно особенно активно сбрасывает семена и ему важно не стать добычей какой-нибудь коровы. Срежь его в это время, засуши и вот тебе прекрасное средство. Или подвилок, сок ягод – прекрасно заживляет раны, А вот листья, собранные перед днем Великой жертвы наводят такой морок, что даже смелого человека пронять можно.

Так и жила Лишка год и другой. Тренировки, да учеба. Учеба, да тренировки. Ей нравилось.

– Понимаешь, – говорила она Яринке, – Здесь я стала немного больше, чем я прежняя. Смысл появился, цель. Что я раньше могла? Ничего. Сирота деревенская. Даже в набат ударить как следует не сумела. Не защитила деревню. А теперь, пусть небольшой, но смысл во мне есть. И себя защитить я теперь сумею, и поквитаться, смогу.

– С кем? – удивлялась подруга.

– Есть с кем. Вот найду того с дудкой и без лица, что детей сманил и мор навел. А уж как поймаю, приведу выжлецам. Пусть с меня все обвинения снимут. Не хочу я всю жизнь по лесам прятаться.

– И что ты думаешь, когда и если ты его приведешь, выжлецы тебе спасибо скажут и в ножки поклонятся? Это ж и будет главным доказательством твоего ведьмачества. Они тебя вместе с этим безликим и спялят на площади, простым людям на радость, как бабку мою.

Яринка закусила губу и отвернулась.

– Ненавижу их, – наконец сквозь зубы прошипела она. – Вот кого извести надо. Звери! Все самое низкое в людях будят. Доносы, жестокость. Вот послушай, забавную историю. Жили мы с бабкой моей в одной деревне. Бабка – ведунья сильная была. У нас это в роду через поколение идет. Так вот. Жили мы, никому зла не делали. Напротив, бабка всем помогала,

как могла: детей принимала, скотину от волков берегла, вещи искала, заговоры составляла на урожай. Мне лет семь было, когда пришла в княжество новая вера. Поначалу мы и не заметили ничего. Потом староста всех на площади собрал, разъяснил, как теперь молиться, кого почитать. Потом стал он почти каждую неделю из города привозить специальные разъяснения, люди у него в избе собирались, слушали. Однажды, когда бабка по улице шла, староста ее остановил, и так, чтоб все слышали объявил ей, дескать, требование есть, всем без исключения новой веры держаться, а магикам особенно. Бабка плечами пожала, отшутилась, что поздно ей меняться. А через некоторое время селяне написали письмецо. Сдали ее выжлецам, а имущество наше поделили. Меня теперь, кстати, тоже ищут, как и тебя. И не одни выжлецы, еще и княжья стража.

– За что?

– А я деревеньку того, спалила, когда в скит уходила. Ночью пробралась за ограду, дома все прошла, заперла, еще досочками подперла, чтоб не выбраться и пустила красного петуха. Пусть повеселятся, раз им так огненные казни нравятся.

– Как? Ведь там дети! – отшатнулась Лишка.

– Ненавижу. Плевать. Все смеялись, на костер глядя. Из этих детишек вырастут такие же твари, – сжимала кулаки Яринка.

А Лишка потрясенно молчала.

...

...В начале времен было невыразимое нечто. Я кричу, когда мои видения заводят меня туда, ибо выше человеческих сил постичь то, что я вижу. Только страх наполняет мое сердце, сковывает мысли, лишает воли, только обреченность не дает отвести взгляд. Спокойное и одновременно подвижное это нечто затягивает меня, подчиняет, сводит с ума. И каждый раз, когда я оказываюсь на последней грани, на тонком волоске в яркой вспышке взрыва являются братья близнецы – Ариман и Намир. Братья-творцы. Братья – подчинившие хаос.

Как моллюск, не зная этого, рождает отвратительной своей плотью жемчужину, как из грязи и навоза вырастает роза, так из Великой бесформенности, которая была всем и ничем вышли Близнецы. И воля их была столь велика, что требовала воплощения. Тогда стал Ариман мыслить формы, а Намир наполнять их. И не было у них недостатка ни в чем, а Сила, что изливалась из них всколыхнула сущее, и полилась волнами, наполняя творение. Тяжела была работа Братьев, много трудились они, но на седмицы седьмой день создали мир, который мы знаем. И вдохнули в него жизнь и смерть, и дали ритм и закон, и свободу и предел. Хорошо показалось им сделанное, и радостные легли они отдохнуть. Но так владело ими еще созидание, что из их снов возникли дети. И родил Намир четверых сыновей – старшего Парса, средних Дувита и Корпа и младшего Мара. Ариман же родил одну только дочь – нежную Ярлу. А когда пробудились Близнецы, стал Намир указывать брату: «Воля твоя и сила в прошлом. Смотри, сколько могучих богов смог я дать новому миру. Сыновья мои подставят широкие плечи и понесут наше творение сквозь время. Разумно и справедливо станут они править тем, что мы создали. Ты же родил всего только дочь, в которой нет ни мощи, ни дерзости». И разгневался Ариман на надменного брата и встала стеной вражда между ними. В тайне от Намира создал Ариман людей, и так стали милы ему беспечные люди, что стал он проводить с ними больше времени, чем в богоизбранном Ирии. И стали любить Аримана люди и ставить ему храмы, и комли несли в них жертвы, и славил доброго бога. А избранные получили от дочери Аримана – Ярлы, великий дар колдовства. И стали чувствовать Силу, свободно текущую, и научились управлять ей. Золотой век наступил на земле. Но дым от жертвенных костров достиг Ирия, и звук от веселых песен коснулся слуха Намира. И сыновья его облетели Землю, и вернувшись сказали отцу: «Твой брат обманул нас. Обещал ты землю нам в дар, но он населил ее людьми.

И люди не знают иного закона, кроме его слова. Несут они жертвы в его храмы и чтят только Аримана, как создателя, и дочь его – Ярлу, как подательницу благодати. Так потерял ты то, что создал, а брат твой присвоил наше наследство». И разозлился Намир, черная зависть и злоба затопили его сердце. А когда заснул Ариман, напал на него брат. Безоружного сковал своей волей, и раскрыл бесконечную бездну вне миров и времени, и бросил в нее брата. Затем повелел он ткани мира сомкнуться и навечно замуровать брата. Безоружный погружался преданный бог в небытие, но в последнем усилии смог Ариман выкрикнуть пророчество и коснуться своей волей немногих-тех, кто, как и я, несут его в своем сердце и пророчат, и видят, и живут за него. В ту же страшную ночь, впервые услышал Нимир сквозь сон голос «Брат мой, брат, что сделал ты?! Нарушились кровные узы, страшное зерно упало в почву. И вырастет из него дерево, и даст плоды. Знай же, что первым падешь ты. Родной сын твой убьет тебя. Но страшнее твоего сына-убийцы, будет мой внук, что придет разрушить все сущее. И преуспеет в этом, если мать его не принесет Великую жертву!». Так кричал Ариман падая в бездну. И смежились над ним пространство и время, и уходила сама память о великом боге, но звучали над миром его слова, и складывались звезды в огненные буквы пророчества...

Тысяча лет назад

– Эй, Кер, что сидишь, – окликнула юношу его сводная сестра Альва.

Все они тут были сводными – дети младших богов, внуки Близнецов. Кто конкретно из шести младших богов был отцом Керкуса, или, скажем Альвы, конечно, было неизвестно. Да никто и не давал себе труда озаботиться этим вопросом. Какая разница? Просто очень редко, но рождались от связи с земными женщинами младенцы. Мать в таких родах всегда умирала, то ли принося своеобразную первую жертву новому богу, то ли просто не в силах была людская природа без потерь произвести на свет надмирное существо. Младенца же очень быстро находили и забирали в Ирий родственники. Так и полнился совсем не дружный пантеон. Впрочем, до открытой войны не доходило, зато царило недовольство, интриги, обиды. Вот и сейчас в тоне Альвы сквозило раздражение.

– Я к тебе обращаюсь! – повторила она еще более резко.

– Я слышу, – поднял голову от свитка Керкус. – Что ты хочешь сказать?

– Он слышит, очень мило... Великая Мать спрашивает, понял ли ты свое предназначение, ли тебе нужна помощь. Завтра твой обряд, если ты не забыл.

– Я не забыл. Передай Ярле, что она может не волноваться, я нашел себе дело.

– Нашел дело. Кер, ты странный! Завтра такой день, а у тебя ничего нет! Ты никого не пригласил, не подготовил даже самого затрапезного храма, не установил ритуал. Послушай, я к тебе нормально отношусь, поэтому говорю. Так нельзя. Вспомни, как праздновал вхождение в права Валан. Он стал богом песен, и все было так красиво и элегантно! Утонченные обряды поклонения, изысканный первый храм у водопада, а какой был пир! Весь Ирин обсуждал перемены блюд и развлечения. А ты? Чем ты занят? Что ты копаешься все время в этом старье?

– Это не старье, Аля. Это книги. Завтра я выберу судьбу бога познания. И мне не нужны храмы и ритуалы. Каждый, кто будет брать в руки свиток или перо, уже одним этим будет служить мне.

– Надеюсь, ты шутишь, – покачала головой девушка. – Слушай, отложи обряд. Подготовься, как следует. Тебя и сейчас...

– Ни во что не ставят – жестко закончил за нее Керкус.

– Прости Кер, но ты сам знаешь. Твое рождение было не очень эффектным, зачем смазывать впечатление от второго самого важного шага твоей вечной жизни?

Да, в этом была правда. Керкус родился почти одновременно с Младенцем. Звезда, которая всходит на небе и знаменует рождение нового бога, в его случае совсем терялась на фоне ослепительно яркой звезды Предсказанного Ребенка. Все четверо сыновей Намира объединились, чтобы противостоять исполнению проклятья. Ярла, почерневшая от горя, прятала новорожденного сына и мучительно шла к принятию неизбежного и такого страшного решения, к своей Великой Жертве. Снова исполнялось проклятье Аримана. Проклятье, которое он послал брату, падая в бездну: «Твой сын убьет тебя, а мой внук погубит мир». И вот внук родился. В горячке тех дней удивительно, что появление Керкуса вообще заметили.

Может потому, что его рождение было таким странным образом связано с пророчеством, единственным, которое твердо помнили в Ирии беспечные боги, может быть поэтому, он и начал свои странствия. Может быть, именно это странное совпадение гнало его на поиски знаний, на поиски разгадок, и в конце концов привело на порог могущества?

...

...Страшен был безумный Намир-проклятый братом. С той ночи, когда прозвучало Пророчество, не было покоя первому богу, яростным вихрем носился он над Землей, круша храмы Аримана, стирая саму память о нем, убивая всех, кого тот коснулся в своем последнем усилии. Много ли нас пережило те дни? Кто знает... Страшные картины рисуются моему взору и я содрогаюсь и плачу по братьям своим. Но страшнее всех разрушений то, что творилось в душе Намира. Крики и скрежет зубовой – вот, что стало его уделом. И собственные сыновья отругали отца. В ужасе искали они убежище, но нигде не могли быть спокойны, ибо знали о пророчестве, и видели, что отец задумал их лишиться жизни. Ярла же оплакивала Аримана, но скованная волей Намира, не смела помешать дяде ни в чем. Меж тем время шло, мирозданье сотрясилось от ярости одинокого бога. Страх породил ненависть, ненависть отражалась страхом. Неисчислимы беды обрушились и на людей – творение Аримана. Строгий закон был дан им богом. И был он так тяжел, что слабые люди не могли его нести на своих хрупких плечах. Но не было снисхождения в душе Намира, и радовался он возможности карать отступников. В припадке безумия затопил Намир землю. И воды потопа смыли живое, и разделили историю на до и после, и только немногим удалось спастись. И возопили люди оплакивая свою жизнь, и смеялся Намир, сидя на троне своем. И говорил, что получили они по делам своим. В тот же день призвал он к себе Ярлу и велел ей найти сродных братьев и передать старшему Парсу приглашение на пир. «Пусть принесет мне страшную клятву на крови, что не поднимет на меня меч, и я приму его в дом к себе. Тяжело мне жить в разлуке с сыновьями, и стар я становлюсь, и нужна мне поддержка». Поклонилась тогда Ярла и впервые за долгое время посветлело в ее сердце – тронула его надежда теплым лучом. На своей колеснице, запряженной лебедями, поспешила богиня на поиски братьев-богов. Ей найти их было проще, ибо не от нее скрывали дети Намира свое убежище. Ярла облетела Ирий и тонкий мир, что отделяет его от зримого царства. Затем облетела Ярла и мир вещей, не пропуская ни небо, ни землю, ни воды. Наконец, спустилась в мрачное царство теней, что стоит от Ирия дальше всех, чтобы горестные вздохи не тревожили покой богов. Именно там, на дальнем острове, посреди реки забвения, нашла она Парса с братьями. Молча выслушал Парс посланницу, потом повел ее в свои покои. Там указал ей на птицу-кукушку, что сидела на спинке его лежанки. «Отцы наши дали птицам возможность подниматься до самого Ирия, и услаждать слух богов пением, – сказал Парс. – Но не только голос есть у этих созданий, но и слух, на мое счастье. Поведай нам, что слышала ты в доме у отца моего!». И стала петь кукушка. И печальна была песня ее. Пела она об отце, задумавшем убить сына. Пела о готовой западне, об обмане и предательстве. Пела об обреченных младших богах и гибнущей земле. И зарыдала нежная Ярла, но Парс взял ее руку и отвел к братьям, а сам сел в лебединую колесницу и помчался навстречу судьбе. И задрожали все слои сущего, и свершилось пророчество, ибо после встречи из дома бога вышел не Намир, но сын его. И были его руки в крови. Так стал он верховным богом. Парс – вседержитель. Парс – великий. Парс – отцеубийца...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.